

ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА И РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОБРЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ПОДГОТОВКА ПОКОЙНИКА К ПОГРЕБЕНИЮ

Елена Михайловна Матвеева

Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
Почтовый адрес: ул. Сибирская, 24,
Пермь, 614990, Россия
Электронный адрес:
elenagordeeva2012@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1060-3262

Юлия Анатольевна Шкураток

Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Почтовый адрес: ул. Букирева, 15,
Пермь, 614990, Россия
Электронный адрес: shkurotok@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2786-8734

Светлана Юрьевна Королёва

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Почтовый адрес: ул. Букирева, 15,
Пермь, 614990, Россия
Электронный адрес: petel@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4246-907X

Аннотация

В статье рассматривается коми-пермяцкая лексика, отражающая обрядовую подготовку умершего к погребению. Основное внимание уделяется ритуалу обмывания, его агентам, атрибутам и их вербальным описаниям, возникающим в устной речи диалектоносителей в ходе тематической беседы. Для сопоставления приводятся данные русских говоров, в том числе контактных по отношению к коми-пермяцким. Основной материал был собран авторами в экспедициях 2022 г., привлекаются и более ранние полевые записи. Полученные данные показывают, что в условиях продолжительного межэтнического взаимодействия происходит лексическое сближение двух неродственных культурно-языковых традиций. Оно проявляется в многочисленных заимствованиях из русского языка в коми-пермяцкий (*покойник*, *живой*, *простой ва* ‘простая вода’ и *покойнишдой ва* ‘покойничья вода’, и др.). Можно говорить о единстве многих стоящих за обрядовой лексикой культурных смыслов: для обеих традиций в ситуации обмывания характерно противопоставление «твердого» и «мягкого» тела покойника, хрупкости — прочности материала, из которого сделана емкость для обмывания. Предметы, соприкасающиеся с покойником, и аномальные случаи, произошедшие в ходе ритуала, наделяются негативной семантикой и т.д. Влияние коми-пермяцкой традиции на русскую менее очевидно, но тоже прослеживается. В условиях повсеместного билингвизма коми-пермяков их язык воздействует на лексикон русских монолингвов — жителей смешанных поселений. В частности, в южной части Коми-Пермяцкого округа, на территории расселения кудымкарско-иньвенских коми-пермяков, в речи носителей обоих языков не обнаруживаются некоторые обрядовые термины, выраженные отглагольными существительными со значениями действия и деятеля, типичные для русских диалектов на других территориях Пермского Прикамья.

Ключевые слова

Коми-пермяцкий язык, русские пермские говоры, межэтническое пограничье, похоронный обряд, обмывание покойника, агенты и атрибуты ритуала

Финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)

Статья поступила в редакцию 2 декабря 2022 г.

Статья доработана автором 8 марта 2023 г.

Статья принята в печать 16 мая 2023 г.

Цитирование: *Матвеева Е.М., Шкураток Ю.А., Королёва С.Ю.* Исконная лексика и русские заимствования в обрядовой терминологии коми-пермяков: подготовка покойника к погребению. *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2023. Т. 18. № 1–2. С. 48–65. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.03>

INHERITED LEXICON AND RUSSIAN BORROWINGS IN THE RITUAL TERMINOLOGY OF THE KOMI-PERMYAKS: PREPARING THE DEAD FOR BURIAL

Elena M. Matveeva

Ph. D., Associate Professor,
Perm State Humanitarian
Pedagogical University
Postal address: Sibirskaya st., 32A,
Perm, 614990, Russia
E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1060-3262

Iuliia A. Shkuratok

Ph. D., Associate Professor,
Perm State University
Postal address: Bookirev st., 15,
Perm, 614990, Russia
E-mail: shkuratok@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2786-8734

Svetlana Yu. Korolyova

Ph. D., Senior Researcher,
Perm State University
Postal address: Bookirev st., 15,
Perm, 614990, Russia
E-mail: petel@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4246-907X

Abstract

The article examines the Komi-Permyak lexicon that reflects the ritual preparation of the deceased for burial. The main attention is paid to the washing ritual, its agents, attributes and their verbal descriptions in the oral speech of dialect speakers during the thematic survey. For comparison, we used the data on Russian dialects, including contact dialects with Komi-Permyak. The main part of dialect material was collected by the authors during expeditions in 2022; we also used earlier field records. The findings suggest that in the conditions of long interethnic interaction there is a lexical convergence of two cultural and linguistic traditions. It is reflected in numerous borrowings from Russian into Komi-Permyak (pokoinik ‘dead’, zhivöy ‘alive’, prostöy va ‘plain water’ and pokoinishnöy va ‘dead water’, etc.). We can also talk about the unity of many cultural concepts behind the ritual lexicon: both traditions in the situation of ritual washing are characterized by the opposition of the “hard” and “soft” deceased body, “fragility”

and “strength” of the bowl for washing. Objects in contact with a deceased body and anomalies during the ritual are endowed with negative semantics, etc. The influence of the Komi-Permyak tradition on the Russian one is less strong, but also noticeable. In the context of the pervasive bilingualism of the Komi-Permyaks, their language affects the vocabulary of Russian monolinguals in mixed settlements. In particular, in the southern part of the Komi-Permyak district, on the territory of the settlement of Kudymkar-Inven Komi-Permyaks, in the speech of speakers of both languages we did not find some ritual terms (the verbal nouns with the meanings of action and figure) typical for Russian dialects in other territories of the Perm region.

Keywords

Komi-Permyak language, Russian Perm dialects, interethnic borderland, funeral rite, washing the dead, agents and attributes of the ritual

Funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00484 “Slavic-non-Slavic borderlands: a funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage” (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)

Received 2 December 2022

Revised 8 March 2023

Accepted 16 May 2023

How to cite: Matveeva, E.M., Shkuratok, Iu.A., Korolyova, S.Yu., 2023. Iskonnaia leksika i russkie zaïmstvovaniia v obriadovoi terminologii komi-permiakov: podgotovka pokoinika k pogrebeniiu [Inherited Lexicon and Russian Borrowings in the Ritual Terminology of the Komi-Permyaks: Preparing the Dead for Burial]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 48–65. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.03>

Проживая в контакте с русскими уже около пяти столетий, коми-пермяки переняли у славяноязычных соседей значительный пласт мифологических представлений, семейных и календарных обрядов, фольклорных сюжетов. На характер контактов влияет конфигурация расселения этносов: кроме небольших кустов сел и деревень, населенных русскими, — «островков» в обширном иноэтничном пространстве — в центре Коми-Пермяцкого округа располагается крупный русский остров: территория проживания юрлинцев¹. Сложное по структуре пограничье, с одной стороны, создает условия для активного влияния русского языка на коми-пермяцкий (которое усиливается воздействием официальной культуры, масс-медиа, русскоязычного школьного образования). С другой стороны, соседство двух народов становится фактором консервации традиционной культуры и языка, способствует сохранению в них архаичных элементов, своих и заимствованных. Это делает коми-пермяцкий лингвистический материал интересным для финно-угроведения, славистики и славяно-неславянской контактологии.

¹ Власова И.В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы). Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981 / отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1984. С. 3–11; Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Пермь: ПГПИ, 2008. С. 4–10.

Лексика смерти² относится к той семантической области культуры, где традиционные представления наиболее устойчивы, многие термины похоронно-поминального обряда заключают в себе архаичные метафоры³. Применительно к Пермскому Прикамью, частью которого является Коми-Пермяцкий округ, диалектная обрядовая терминология изучена неравномерно. Исследователям лучше известна русская языковая традиция: отдельные наименования ритуальных действий, погребальной одежды и поминальных блюд⁴, темпоральная лексика⁵, номинации агентов ритуала⁶. Имеется опыт подробного лексикографического описания «мортальной» сферы региональной культуры⁷. Похоронно-поминальная обрядность коми-пермяков подробно изучена в этнографическом аспекте⁸, однако названия обрядовых реалий, как и вербальное воплощение представлений о загробном мире, зафиксированы лишь фрагментарно.

Материалом для нашей работы послужили полевые записи, сделанные в 2022 г. в экспедициях под руководством Ю.А. Шкураток (беседы с коми-пермяками) и С.Ю. Королёвой (обследование русских в смешанных поселениях и на смежных территориях). Также привлекаются тексты на коми-пермяцком языке из архивов двух университетов. Это данные 2014–2018 гг., собранные в ходе фольклорной практики студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (руководитель Е.М. Матвеева), и записи 2016–2021 гг., хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии Пермского государственного национального исследовательского университета. Обращаясь к обрядовым ситуациям, направленным на подготовку покойника к погребению, мы подробно рассмотрим ритуал омовения (обмывания) умершего. Основ-

² Под лексикой смерти понимается обширная тематическая группа, включающая как обрядовые термины, так и общеупотребительные слова, с помощью которых реализуются представления о смерти и обслуживается похоронно-поминальный обряд, см.: *Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 4.*

³ Подробнее о таких метафорах см.: *Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2000. С. 21, 125–141.*

⁴ *Подюков И.А., Свалова Е.Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья. Научный диалог. 2019. № 11. С. 46–60. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>*

⁵ *Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В. «Время» в пермской похоронной лексике. Свое — чужое: опыт культурного взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения» — XVI / ред. колл. И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых. Усолье: [б. и.], 2020. С. 20–37.*

⁶ *Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В. «Живые и мертвые» в похоронно-поминальной обрядности Пермского Прикамья. Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 29–39. <https://doi.org/10.17223/15617793/450/4>*

⁷ *Подюков И.А. и др. Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / ред. И.А. Подюков. СПб.: Маматов, 2020.*

⁸ *Чугаева С.В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков). М.: Триумф, 2015.*

ные этапы этого ритуала и их традиционная семантика подробно описаны на славянском материале⁹, однако применительно к коми-пермяцкой традиции выявлены и охарактеризованы далеко не все значимые элементы. Нас интересует обслуживающая этот ритуал исконная и заимствованная обрядовая лексика коми-пермяков. Текстологический анализ речевых контекстов позволит также выявить представления об этапах ритуала, агентах, действиях и предметах¹⁰, не всегда имеющих собственно терминологическое обозначение, однако наделяемых такими характеристиками, в которых проявляются значимые параметры традиционной культурно-языковой картины мира.

Ритуал и его агенты: обмывание и обмывальщики. О подготовке покойного к погребению у коми-пермяков во второй половине XIX в. писал этнограф и краевед Николай Рогов. Он, в частности, заметил, что обмыванием не занимаются родственники: «...кто бы ни был покойник, семья тотчас приглашают постороннего человека, смотря по полу умершего, мужчину или женщину, приготовить его “под святые”, то есть обмыть, одеть и расчесать волосы»¹¹. Три десятилетия спустя И.Н. Смирнов в историко-этнографическом очерке «Пермяки» тоже упомянул этот обычай: когда человек «испустит дух, <...> зовут кого-нибудь из родственников, живущих отдельными домами, или посторонних людей обмыть покойника и сделать гроб»¹². По свидетельству исследователя, впоследствии обмывальщик принимает участие в так называемых «проводах души» и именно он берет на себя роль «умершего»: «Когда поминальная трапеза оканчивается, человек, обмывавший умершего и представляющий его своей особой, встает и выходит первый из избы»¹³.

⁹ Плотникова А.А. Обмывание покойника. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 4. С. 464–466.

¹⁰ Идея о синонимичности в обряде реального (предметного), акционального (действенного) и вербального (речевого) планов высказывалась в работах Н.И. Толстого. С близких позиций погребальная обрядность рассмотрена в работе О.А. Седаковой (дополнительно выделившей в обрядовом действии собственно акциональный и агентный планы): Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский государственный университет, 1982. Вып. 576: Типология культуры. Взаимное воздействие культур / отв. ред. Ю. Лотман. (Труды по знаковым системам. XV). С. 57; Седакова О.А. Поэтика обряда... С. 29–30. Этот подход стал традиционным и учитывается при изучении обрядовой терминологии, в т.ч. в собственно диалектологическом ключе, см. например: Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ... С. 7–8, 257.

¹¹ Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. Пермский сборник / ред.-сост. Д.Д. Смышляев. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 122.

¹² Смирнов И.Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского университета, 1891. С. 240. (Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете; Т. 9. Вып. 2).

¹³ Там же. С. 244.

Устойчивость традиционных обрядовых правил подтверждает исследование С.В. Чугаевой, основанное на современном полевом материале. По ее данным, для выполнения ритуальных действий, связанных с обмыванием, «выбираются люди из числа дальних или близких родственников, знакомых умершего, реже посторонних»¹⁴. Как и раньше, обмывальщик «символически сопровождает душу умершего в “иной” мир», что дает основание считать его если не «самой значимой фигурой среди участников обрядовых действий»¹⁵, то определенно одной из них. На то, что обмывальщик у северных коми-пермяков может выступать ритуальным заместителем умершего, указывается и в других работах¹⁶ (аналогичным образом обстоит дело у русских-юрлинцев¹⁷). В северных районах округа считается, что каждый человек при жизни должен обмыться хотя бы одного умершего: он «и грехи его снимет, и от кары умерших предков оградит»¹⁸.

Процесс обмывания на коми-пермяцком языке обозначается многозначным глаголом *миссьӧтны*, что буквально означает ‘умывать’. Это слово (без какой-либо вариативности) используют все опрошенные жители, рассказывая об омовении умершего.

У русских, проживающих в тесном контакте с кудымкарско-иньвенскими коми-пермяками, в терминологии погребального и поминального обрядов значительное место также занимает глагольная лексика. Обмывание умершего обозначается словом *мыть* и производными от него приставочными глаголами (*помыть, вымыть*): *Потом, значит, чё, моют, одевают <умершего>. <...> То родственники моют у нас, то соседей попросят* (Кува Куд.); *Вот, моют. Могут и на досках, могут и на кровати. Маму на кровати мыла вот эта вот бабушка, старушка* (Кува Куд.); *Женщина умерла, сын-то позвонил. Я говорю: «Я ж не буду мыть, я боюсь! Мне жутко». Ну чё, мы поехали. <...> Но моют-то как — обтирают* (Кува Куд.)¹⁹. В селе Кува, имеющем смешанное население, отглагольные существительные со значением действия (типа «обмывание») и деятеля (типа «обмывальщица») в разговорной речи русских жителей не зафиксированы, хотя в говорах других территорий Пермского Прикамья они имеются.

¹⁴ Чугаева С.В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков (конец XIX–XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 14.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Королёва С. Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья). Антропологический форум. 2014. № 23. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 55–57.

¹⁸ Климов В.В. Олан вужжез (корни бытия): этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2007. С. 291.

¹⁹ Обрядовый термин *мыть* фиксируется и в архангельских говорах (вместе с приставочными глаголами *обмыва́ть, намыва́ть, замыва́ть, вымыва́ть*). См.: Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ... С. 209–210.

«Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья» дает примеры таких существительных со значением действия: *обмыванье, обмывка, омыванье*, — но все они записаны далеко от мест проживания коми-пермяков, на юге Пермского края²⁰. Зафиксированы и существительные со значением деятеля, они имеются в том числе у русских-юрлинцев, живущих к северу от кудымкарско-иньвенских коми-пермяков: *мо́йщик, обмывальщик, обмыльщик, умывальщик, умыльщик, мо́йщица: Приносят чашечку, кружечку, которую надо подавать обмывальщику* (Пож Юрл.); *Подают еще из одёжи что осталось умывальщику* (Юм Юрл.); *Кто обмывал, умыльщики, потом, когда душу провожают, им дают одёжу — и рубаху, и костюм* (Липухина Юрл.)²¹.

В коми-пермяцком языке с помощью суффиксального способа тоже можно образовать отглагольное существительное *миссьёттӧм* ‘умывание’, однако в разговорной речи коми-пермяков активно оно не используется. Не употребляется и другое производное от глагола *миссьётны* слово, обозначающее обмывальщика, — *миссьётись*. Эта лексема отсутствует в этнографических очерках XIX — начала XX в., не встречается она и в современных исследованиях. Тем интереснее единичное упоминание, обнаруженное в полевых материалах, о том, что в деревне мог быть специальный человек, занимавшийся обмыванием умерших: *Кӧркӧ вӧи морт, миссьётис специальнӧй морт, ветвӧтвыис по деревне* [Когда-то был человек, обмывал специальный человек, ходил по деревне] (Пихтовка Куд.). Но даже в том случае, когда речь идет о ритуальной «специализации», особое наименование для нее не фиксируется.

Вместо использования специального обрядового термина коми-пермяки чаще всего называют конкретное лицо, принимавшее участие в процессе обмывания: *Аслас жӧ кинкӧ* [Свой же кто-то]; *Рӧднясис ассис* [Из своей родни] (Кукушка Коч.); *Родственникес вермисӧ миссьётнытӧ* [Родственники могли обмыть] (Дёмино Коч.); *Миссьётис соседка Тамара да ӧшӧ ӧтик соседка*. [Обмывала соседка Тамара да еще одна соседка] (Валькова Куд.); *Близкӧйӧсь миссьётны, абу некин дак* [Близкие обмывают, нет никого дак] (Парфёнова Куд.); *Покойникӧ долженӧсь миссьётны родственникес* [Покойника должны обмывать родственники] (Москвина Куд.). Как видно из примеров, обмывальщиками становятся «свои». В одном случае обмывальщика так и называют: *аслас* ‘свой’. Кто это такие, раскрывается в приведенных речевых контекстах: во-первых, те, кто знал умершего, таким лицом чаще всего становится соседка; во-вторых, те, кто состоял в родстве с умершим, они обозначаются лексемами *рӧдня, родственникес, близкӧйӧсь*. Слово *близкӧйӧсь* ‘близкие’ многозначное, оно может указывать как на друзей, так и на родных, в приведенном примере лексема употребляется именно в значении ‘родственники’.

²⁰ Подлюков И.А. и др. Словарь мортальной лексики... С.144-145.

²¹ Там же. С.131-132.

По традиции, на разных этапах обмывания умершего близкие родственники исключаются из круга активных участников обрядового действия. Однако имеются случаи, когда кровный родственник все же должен обмыть покойного. Такая ситуация возникает прежде всего в связи с просьбой самого умершего²²: *А кинѳс мортыс желайтѳ — сѳа* [А кого человек желает — он <обмывает>] (Дёмино Коч.); *Кыдз закажет ведь покойникыс. Вот, например, мукѳдыс висьтаас, чтоб **ныввевѳ** миссьѳтисѳ, чтоб некин эз миссьѳт. **Ныввес сѳйѳ** миссьѳтѳнѳ... Не должна вѳи ме участвуйтны. Вот, что роднѳйес не должны, если не заказала сѳя. Ме токо видзви, бергѳтви. Сѳя быдѳс миссьѳтисѳ* [Как закажет ведь покойник. Вот, например, некоторые скажут, чтоб ее **дочери** обмыли, чтоб никто <другой> не обмывал. **Дочери** ее обмывают... Не должна была я участвовать. Вот, что родные не должны, если она не заказала. Я только держала, поворачивала. Она всю обмыла] (Кува Куд.). В этих примерах родство обмывальщика конкретизировано: используется исконный термин родства по крови *ныв* 'дочь'.

Традиционные запреты и предписания, тем не менее, устойчивы. Некоторые носители коми-пермяцкой культуры по-прежнему не допускают мысли о том, что умершего может обмывать родственник. Такой запрет особенно распространен на территории Кудымкарского района, у кудымкарско-иньвенских коми-пермяков: *Не в коем случае **родственниккесвѳ** оз туй миссьѳтны кудѳмсѳ, токо йѳзвѳ* [Ни в коем случае нельзя **родственникам** обмывать умершего, только чужим] (Москвина Куд.); ***Родственниккесвѳ** миссьѳтны оз туй. Сѳж, бытьтѳ бы, родственникыс рад, что мортыс куис* [**Родственникам** обмывать нельзя. Тогда будто бы родственник рад, что человек умер] (Корчѳвня Куд.).

Для обозначения обмывальщика используется лексема во множественном числе *пѳрисьжыккес* 'старшие' и заимствованный термин родства *бабка* в значении 'старый человек'. По мнению наших собеседников, обмывальщиками должны быть люди старшего поколения, имеющие жизненный опыт и ранее уже наблюдавшие исполнение обрядов: *Миссьѳтѳны **пѳрисьжыккесыс*** [Обмывают **старшие**] (Батина Куд.); *Ме кори вот сѳтчинись **бабкасѳ** вот* [Я позвала вот оттуда **бабку** вот] (Кукушка Коч.).

Считается, что умерший «деревенеет» и не дает себя мыть, если выполняющий это действие ему «не к сердцу»²³. При сборе полевого материала удалось зафиксировать предписание, которому нужно следовать, чтоб не рассердить покойного. Обмывальщик должен быть одного пола с покойным: *Если мужик <кулис>, то миссьѳтѳны **мужиккес**, если женскѳй, то **женщинаэз**...* [Если мужик <умер>, то обмывают **мужики**, если женщи-

²² Практика еще при жизни выбирать того, кто будет обмывать человека после смерти, является у коми-пермяков довольно распространенной, см.: Чугаева С.В. Человек и Смерть... С. 54.

²³ Там же. С. 54.

на, то **женщины**...] (Паняшор Куд.); *Мыжыккесö мыжыккес миссьöтöны, женскöйесö — женскöйез* [Мужчин **мужчины** обмывают, женщин — **женщины**] (Верх-Юсьва Куд.); *Меам тай кöзьяныс кулис. Мужиккес локтисö, миссьöтисö, да и сё* [У меня вот муж умер. **Мужики** пришли, обмыли, да и всё] (Кукушка Коч.). В примерах для выражения предписания используются заимствованные из русского языка слова, указывающие на половую принадлежность: *женскöйес, женищинаез, мыжыккес, мужиккес*.

Покойник как адресат ритуальной речи. Телесность умершего. Обратимся к лексемам, связанным с другим участником процесса обмывания — покойником. Находящийся в доме умерший наделяется способностью слышать и чувствовать, поэтому считается, что он реагирует на выбор обмывальщика и его действия. Еще в этнографических работах XIX в. встречается упоминание, что, обмывая умершего, с ним разговаривают: «Лицо, призванное обмывать покойника, обращается к нему с просьбой не сердиться: “не сердись на меня; я тебя хочу ополоскать”»²⁴.

Практика разговора с умершим сохраняется и сейчас. Вот как ее отражают материалы, собранные нами в 2022 г. у северных и южных коми-пермяков: *Ну-ко, вай китö, лэбты, эн чорзьöтчы, небзьöтчы, небзьöтчы* [Ну-ка, дай руку, поднимай, **не затвердевай, помягче стань, помягче стань**] (Кукушка Коч.); *Давай-давай, миссьöтам вот...* [Давай-давай, обмоем вот...] (Кува Куд.); *«Эн чорзьöтчы! Сет миссьöтны бытшöмика»*. <...> *Ниа озö тулдö вот кыз, сиа мукöдчид этö керö, кыз вот, кыз тиянлö висьталны, нуовöй, а сидз сиа вөрö* [«**Не затвердевай!** Отдайся хорошо обмыть тебя». Они **не оцепеневают** вот так, он иногда это делает, как вот, как вам сказать, **деревянным** <становится>, а так он шевелится] (Дёмино Коч.); *Кыз вот живöй. Вот ськöt баитан...* «Мийö тэнö миссьöтамö, вот пасьтöтамö басöка, миянлö давай сетчы, эн лöгал». — *И сиа вот кыз живöй, а кöда если не сы сьöртöt, сиа пукяс ли мылли, султöтан, некыз сийö он вермы пасьтöтны* [**Как вот живой**. Вот с ним разговариваешь... «Мы тебя обмоем, вот оденем красиво, нам давай отдайся, не злись». — И он вот **как живой**, а которое если не по нему, он сядет, что ли, поставишь, никак его не можешь одеть] (Дёмино Коч.); *Представляете, кыз баитöнö? Но, небзьöтчы пö, китö пö эд сюшитны коö. Этадз баитöны, кыз пасьтöтны да мый да. Но, эн лöгась пö, видзöt, кыз тэнö пасьтöтимö. Что живöйкöt баитöнö* [Представляете, как разговаривают? Ну, сделайся мягче, говорят, руку твою ведь засунуть надо, говорят. Так говорят, как одеть <надо>, да что да. Ну, не злись, говорят, смотри, как тебя одели. Что <как> с **живым** разговаривают] (Кува Куд.); *Миссьöтан: «Китö видз, коктö чышка, коккетö видз. Синнэтö осьт, миссьöтам, синнэтö ли кунь ли сэтчин, чтоб кокнитжык вöи»*. *Живöй морткöt кыз, ну...* [Обмываешь: «Свою руку держи, твою ногу обтираю, свои ноги держи. Глаза свои открой, обмоем,

²⁴ Смирнов И.Н. Пермяки... С. 244.

глаза свои ли закрой ли там, чтоб легче было <обмывать>». **Как с живым человеком** <разговариваешь>, да...] (Пихтовка Куд.).

В этих выражениях нас интересуют лексемы, характеризующие покойника. Сразу отметим, что при обмывании лексема *покойник* не употребляется, напротив, к нему относятся как к живому. На это указывают слова, которые используют опрошенные нами жители, описывая ритуал. Обычно для этого они выбирают заимствованную лексему *живой* 'живой'. В коми-пермяцком языке имеется исконное прилагательное, обозначающее живого: *ловья*. Оно образовано от существительного *лов* 'душа' с помощью суффикса *-а*, то есть «живым» является человек, у которого есть душа («одушевленный»). Существует немало фразеологических единиц с лексемой *лов / дол*, семантика которых связана со смертью: *лов босьтны* (букв. «душу взять») со значением 'убить', *лолыс абу ни* (букв. «души уже нет») 'умер', *лолыс петис* (букв. «душа вышла») 'умер' и др.²⁵ Это слово хорошо известно и понятно носителям языка. Однако в рассказах об обмывании вместо исконного прилагательного *ловья* 'живой' в сравнительных оборотах, характеризующих покойника, используется русское заимствование: *кыдз вот живой* (как вот живой), *живой морткот кыдз* (как с живым человеком), *и сия вот кыдз живой* (и он вот как живой).

На признаки «живого» указывают и просьбы обмывальщика, адресованные покойнику: *небзьотчы* «мягче стань», *эн чорзьотчы* «не затвердевай», *китё видз* «свою руку держи», *коккетё видз* «свои ноги держи», *синнэтё осьт* «свои глаза открой». Глаголы *небзьотчы* «мягче стань», *эн чорзьотчы* «не затвердевай» связаны с физическим состоянием умершего. По мнению информантов, разговор с покойным необходим для того, чтобы процесс обмывания проходил без затруднений. Если не следовать этому предписанию, то покойник начинает очень быстро твердеть, на что указывают лексемы *тувдыны* 'оцепенеть', *пуовой* 'деревянный', *чорзыны* 'затвердеть'.

Причиной быстрого окончания тела покойного считаются неправильные действия обмывальщика или других людей, присутствующих при омовении. Покойник может стесняться своей наготы, реагировать на наличие посторонних²⁶. Подобные примеры содержатся и в наших полевых материалах: *Сіа пё логасьё. А мыйкё неладно сылё. Мыйкё оз гленитчы, видно, ну. Но вот сійё ме кыллі, что сіа чорзьотчё, кёр сылё мыйкё неладно, оз гленитчы мыйкё. А потом, видимо, мыйкё шуллёнё ли мылли* [Он, говорят, начинает злиться. А что-то неладно ему. Что-то не нравится, видимо, да. Но вот это я слышала, что он **затвердевает**, когда ему что-то

²⁵ Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. (Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII). С. 106-107.

²⁶ Чугаева С.В. Человек и Смерть... С. 54.

неладно, что-то не нравится. А потом, видимо, что-то говорят ли, что ли] (Дёмино Коч.); *А кин не сійӧ керӧ, сіа сідз тулӧйтчас, и даже исся сійӧ он вермы и вӧрзӧйтны...* [А кто не то делает, он так **оцепенеет**, и даже потом его не сможешь и сдвинуть...] (Дёмино Коч.); *Шуӧны тай, кӧда не хочет кинкӧ сэтӧн вӧлі, присутствовал при этом процессе, сіа этӧ керыштӧ, тулӧдӧ* [Говорят же, который не хочет, чтоб ты там был, присутствовал при этом процессе, он это делает немного, **оцепеневает**] (Кукушка Коч.); *Если неправильно кин мый миссьӧттӧ, дак оз сетчы, оз небзьӧйтчы, кисӧ да кок-кесӧ пӧ чегзавны коӧ* [Если неправильно кто что моет, дак не дается, **не становится мягче**, его ноги и руки, говорят, ломать надо] (Парфёнова Куд.).

Практика разговора с умершим ранее была зафиксирована у юрлинцев, эти данные известны специалистам²⁷. Исследование 2022 г. показало, что подобный обычай есть и у русских, проживающих в южном районе округа, по соседству с кудымкарско-иньвенскими коми-пермяками: *Ну вот говорят: «Ты прости, мы тебя вымоем, всё такое. Помогни нам...» Становится такой податливый* (Кува Куд); *Вот она <бабушка> умерла через сколько-то лет после мамы. Мы пришли, и мне отец говорит: «Мой». Я, меня трясет, я говорю: «Как?!» — «Как умеешь, так и мой!» <...> «Бабушка, — говорю, — чё умею, как умею». Отец помогал держать* (Кува Куд.). Пример развернутой реконструкции подобного разговора записан в смешанной русско-коми-пермяцкой семье: *Мыть надо покойника-то. Водой. <...> «Ну, Андреевна, — говорю, — повернись, повернись, спинку помоем чистенько». Пока они еще не затвердели, надо. Да, она не зачерствела. <...> Говорю: «Ну-ко, повернись немножко. Давай, — говорю, — Андреевна, личико помоем, чтобы чистенькая была». Как будто спящая. «Чтобы пришла на порог к Господу Богу, дак чтобы чистенькая была. Личико чистенько с мылом вымоем, всё, под мышками всё. Чистенько вымоем мы тебя. Ты, — говорю, — нам помогай. Мы, — говорю, — с дочкой твоей Машенькой вымоем тебя. <...> «Давай, — говорит, — мама, руку-то давай. Мама, руку дай». Она чё-то бы как делает. А когда она скажет: «Мама, руку-ту дай», — вроде как она и обмякнет, рука-то. <...> Будешь разговаривать, дак у них тело-то делается. Слабее, значит, это. А может, когда покойник-то и стесняется. «Ты, — гээрю, — Андреевна, не стесняйся. Мы, — говорю, — хорошие с Машей знакомые. Мы, — говорю, — тихонечко тебя вымоем. Мужиков нету... никого нету у нас посторонних. Помогни, говорю, нам, помойся чистенько»* (Кува Куд.). В этом тексте для описания тела умершего, его «твердости» (*затвердеть, зачерстветь*) или «мягкости» (*обмякнуть*) используются лексемы, семантика которых близка коми-пермяцким словам, употребляемым в аналогичном контексте. Одной из участниц ритуала, как видим, является дочь умершей.

²⁷ См. краткий обзор источников и примеры: Королёва С.Ю. Обряд «проводов души»... С. 55-56.

О потенциальной опасности обмывания свидетельствует формульная фраза, зафиксированная у косинских коми-пермяков. Завершив процесс, обмывальщики должны насухо вытереть руки и сказать: *Кӧдзытсӧ менчим нуӧт, меным шоньт сет*²⁸ [Холод у меня заberi, мне тепло дай]. Адресатом этой фразы, по-видимому, тоже выступает покойник.

Ритуальные атрибуты обмывания. Если обмывание осуществляется в домашних условиях, умершего укладывают на лавку, кладут на пол либо сажают на табурет. В ритуале участвуют два-три человека, один из которых совершает основные действия, остальные помогают держать покойного²⁹. Его обмывают теплой водой из горшка или глиняной чашки, процедура является в большей степени символической: тело умершего протирают мягкой тряпкой, смоченной в воде, начиная с лица³⁰ и двигаясь к ногам.

Выделим основные атрибуты обмывания: это емкость для воды, тряпка, мыло. В наших полевых материалах емкость, которую используют для обмывания умершего, имеет несколько наименований: *посудина (посуда), гырнич, доз, кринка, банка, горшок, кастрюляэз (кастрюлька), ведёркаэз, кашник*. Практически все термины заимствованы из русского языка. Однако в стилистическом и в функциональном плане между ними имеются различия. Лексема *посудина* употребляется в разговорной речи. *Посуда* — стилистически нейтральное слово, оно имеет эквивалент на коми-пермяцком языке — *доз* ‘емкость’. Среди перечисленных лексем можно выделить архаичные слова: *кашник, кринка, горшок* (глиняный сосуд), *гырнич* ‘горшок’. В рассказах коми-пермяков о ритуале обмывания им прямо противопоставляются современные предметы быта: *банки, кастрюли, ведёрки*.

В связи с этим возникает противопоставление «глиняный — стеклянный / пластмассовый», указывающее на материал, из которого изготавливаются емкости, выбиравшиеся для обмывания в прошлом и используемые сейчас. Об этом рассуждают и сами носители языка: *А вот и матшкабыс сэж и шуис, что кӧркӧ пӧ ня бьюшӧй этӧэс вӧлисӧ, посудинаэс. А час эд кастрюляэз да ведёркаэз да этӧ керӧны да. Ме ог тӧд, мый час* [А вот и свекровь тогда и сказала, что когда-то, говорит, они **бьющиеся**, эти **посудины**, были. А сейчас ведь **кастрюли** да **ведерки** да это делают да. Я не знаю, что сейчас] (Кукушка Коч.); *Кӧркӧ вӧисӧ, этӧ, кашниккезӧн миссьӧтисӧ да, сӧйӧ пӧ коӧ жуэгдыны, чтобы сӧйӧн эз пользуйтчы некин не... Пластмассойӧн да мый да, глинойӧсӧ некин озӧ, абу некинвӧн* [Когда-то были, это, из **кашника** мыли да, его, говорят, сломать надо, чтобы им не пользовался никто не... **Пластмассовым** да что да <пользуются>, **глиняным** никто <сейчас> не <пользуется>, нет ни у кого] (Верх-Юсьва Куд.).

²⁸ Чугаева С.В. Человек и Смерть... С. 55.

²⁹ Там же. С. 55.

³⁰ Климов В.В. Олан вужжез... С. 284.

Иногда наименование емкости отсутствует, его заменяет описание какого-либо важного атрибута. В отдельных случаях прямо указывается наиболее значимый признак, которым должен обладать предмет: *Сійӧ пӧ кӧд миссьӧтнытӧ, чтоб жугаис кӧда посудайс, сэтшиӧм посудасинь миссьӧтныт* [Его, говорят, надо мыть, чтоб **разбивалась** которая посуда, из такой посуды обмывать] (Пихтовка Куд.); *Чтоб сја посудайс жугаис* [Чтоб **эта посуда разбивалась**] (Б. Сидорова Куд.). Как видно, таким значимым признаком емкости для обмывания становится ее способность разбиться. Как и у других народов, в культуре коми-пермяков соприкоснувшиеся с умершим предметы наделяются опасной магической силой, поэтому от них нужно как можно быстрее избавиться. После завершения ритуала сосуд разбивают и выбрасывают.

У русских и русскоязычных уроженцев смешанных семей в с. Кува также зафиксированы упоминания о глиняной посуде для обмывания и необходимости ее разбить: *Обычно вот раньше мыли в небольших этих глиняных корчажках. [И что с ними делали?] Их разбивали, на свалку отправляли. <...> Стараются, чтобы эту воду никто не взял. Это опасно. Если выпьешь, говорят, может быть рак крови или что. Людей портят* (Кува Куд.). В «Словаре мортальной лексики...» на заголовочное слово «ломать» подается пример из русских говоров Чердынского района, где тоже упоминается горшок: *Ломали горшок, из которого обмывали умершего* (Усть-Уролка Черд.)³¹. Когда обмывание производится из пластмассовой емкости, воду выплескивают со всей силы, а сосуд выбрасывают: *А потом эту посудину-ту, говорят, надо брать глиняную. Чтобы сломать <...> За домом надо пӧ. Вышла, тут у нас ведь получается за дом, и швѣрнула это ведро...* (Кува Куд.)

Кроме емкости, для обмывания необходимы тряпка и мыло. Большой вариативности их названий мы не выявили. Чаще всего используется заимствованная из русского языка лексема *тряпка*, реже — словоформа *тряпочка*; встретился вариант фонетической адаптации слова к родному языку *трепич*: *А мый тэ сійӧ понан ванас шолльыны-миссьӧтны?! Тряпочка-нас, — пӧ, — этадз чышкы, чышкы этӧэсӧ, кытӧн сълӧн потнӧй местасэ этӧ керӧны вот, кытӧн запахыс вермас лоны* [А что ты будешь ее мыть, обильно поливая водой?! **Тряпочкой**, — говорит, — так протри, протри эти, где ее потные места это делают вот, где запах может быть] (Кукушка Коч.); *Трепичсӧ сійӧ, кӧдӧ керим, сійӧ сотимӧ, кӧдӧн миссьӧтим* [**Тряпку** эту, которую сделали, ее сожгли, которой мыли] (Ошиб Куд.). Мыло называют *матег*. По-видимому, в ритуале его используют не всегда, поскольку некоторые опрошенные нами рассказчики отрицают употребление мыла при обмывании покойника: *Матегнас эдӧ миссьӧтлӧ* [**Мылом** не мыли] (Кукушка Коч.); *Эсся матегнас эдӧ миссьӧтӧ* [Потом **мылом** не мыли] (Ошиб Куд.).

³¹ Словарь мортальной лексики... С. 299.

В процессе обмывания разные наименования получает вода. До начала ритуала ее называют *простой ва* «простая вода»: *Прстой вайн просто* <миссьотисö> [**Прстой водой** просто <обмывали>] (Кукушка Коч.). Такая вода лишена каких-либо особых качеств. После обмывания она приобретает магические свойства, и тогда ее называют уже *покойнишной ва* «покойничная вода»: *Вот этён ванас пö öшö, но кона тöдиссес, юктаасö если мортсö, сiя шогавны поннö, куö тожо. Покойнишной ванас пö юктаамась, сiйö баитнö* [Вот этой водой, говорят, еще, но которые знающие, напоят если человека, он болеть начинает, умирает тоже. **Покойничной водой**, говорят, напоили, это говорят] (Кува Куд.).

Емкость, тряпочка, мыло и вода, использованные для обмывания умершего, входят в число так называемых покойничьих предметов, бывших в контакте с умершим. Действия с ними требуют осторожности и осуществляются по определенным правилам. Над некоторыми из таких вещей производят очистительные ритуалы, остальные предметы требуется уничтожить, чтоб избежать их использования во вредоносной магии³². Заслуживают внимания лексемы, обозначающие действия, производимые с покойничьими предметами в конце обмывания. От емкости, которую применяли в ритуальном процессе, следует избавиться. В полевых записях встречаются разные глаголы, указывающие на это действие: *паздыны* ‘разбить’, *шентны*, *чапкыны* ‘бросить’, *желльыштны* ‘ударить о стенку’, *жугötны* ‘сломать’, *шупкыны* ‘выкинуть’. Выбор лексемы зависит от материала, из которого сделан предмет. Если емкость можно разбить, то ее разбивают, ударяют о стенку, ломают. Если разбить нельзя, то бросают, выкидывают: *Мiян батикоö кулис да, и нiа сiйö вот эта сьöд гырничö этö керисö, и сiйö потом паздiсö* [Наш свекор умер да, и они его вот в этот черный горшок это сделали <т.е. обмыли>, и его потом **разбили**] (Кукушка Коч.); *А дозсö тожо шентiм* [А ёмкость тоже **бросили**] (Ошиб Куд.); *Дозсö желльыштнöны тожö стена бердас* [Ёмкость **ударяют** о стену тоже] (Поносова Куд.); *Дозсö тишöктнöны жугötны, чтоб сiйö некин эз босьт* [Ёмкость просят **сломать**, чтоб ее никто не взял] (Кува Куд.); *Сiйö тожо дозсö шупкыны, жугötны* [Ее тоже, ёмкость, <надо> **выкинуть, сломать**] (Пихтовка Куд.); *Сiйö, по-моому, чапкöны кытчöкö* [Её, по-моему, **выбрасывают** куда-то] (Дёмино Коч.).

О важности заключительного этапа ритуала говорят приметы, связанные с уничтожением емкости и воды, использованных для обмывания покойника³³. Если человек не может избавиться от них (что воспринимается

³² Плотникова А.А. Покойничьи предметы. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 124–127.

³³ Правильному уничтожению предметов, которыми обмывали покойника, придается большое значение и в традиционной культуре славянских народов. См.: Плотникова А.А. Обмывание покойника... С. 465–466.

как аномалия), то в скором времени рискует умереть сам: *Настакöт пет-көтiмö васö сийö да. Ся тайнö банкасö шупкис стоб бердö ванас, швыргис — ся эз жугау: трин-трин-трин чеччöутiс, тараис. Бöра босьтiс да шупкис, бöра эз жугау. Мыля ся эз жугау? Настаыс скоро и куис. Сы-бöрын ме босьтi да кыздз бряккйышитi <...> ськауис токо. Вот ме верми жугодыны, а ся — эз. Два раза шупкыис и эз жугау. Меым ся диво вöи. И народыс тожо шуöнö: мый, бытьтö, мыля банка стеклянной эз жугау? А ся скоро и куис вежаньö бöрын, Настаыс [С Настой вынесли эту воду да. Она, оказывается, выбросила банку с водой о столб, кинула — она не разбилась: со звуком отскочила, брякнулась. Снова взяла да бросила, снова не разбилась. Почему она не разбилась? Наста скоро и умерла. Затем я взяла да как брякнула — лопнула только. Вот я смогла разбить, а она — нет. Два раза бросала, и не разбилась. Мне это удивительно было. И народ тоже говорил: что, будто, почему стеклянная банка не разбилась? А она, Наста, скоро и умерла после крестной] (Б. Сидорова Куд.).*

На этой же территории в смешанной русско-коми-пермяцкой семье зафиксировано предписание, что воду нужно выплескивать наотмашь, а небьющуюся емкость — вышвыривать со специальными словами, предотвращающими новую смерть: *Я вышла, тут у нас ведь получается за дом, и швырнула это ведро и сказала: «Нам покойники больше не нужны! Пусть они уплывают по речке, все невзгоды!» Вот, в ту сторону и швырнула. А так и выливают ведь, наотмашь. Я из ведра воду-ту выплеснула: «Пусть, — говорю, — по канаве уходит всё плохое». А потом ведро то швырнула, далеко чтоб летело от меня. <...> «Не только нам не надо <покойников>, и по нашей улице чтоб никто не помирал. Пусть живёт» (Кува Куд.).*

Действия, связанные с тряпкой и мылом, тоже направлены на их уничтожение. Обычно эти предметы сжигают. Действие обозначается глаголом *сотны* ‘сжигать’: *Трeпичсö сийö, көдö керим, сийö сотiмö, көдөн миссьöтiм* [Тряпку эту, которую сделали, ее **сожгли**, которой мыли] (Ошиб Куд.); <Тряпка, матеж?> **Сотiнö** [<Тряпку, мыло куда?> **Сжигают**] (Б. Сидорова Куд.). Сожжение, как и другие варианты уничтожения, перечисленные выше, становится способом защиты от «знающих» — колдунов, которые используют покойничкие предметы в своих целях и могут навредить человеку.

Текстологический анализ полевых материалов показывает, что в условиях продолжительного межэтнического взаимодействия наблюдается лексическое сближение двух генетически разных традиций. Оно проявляется в многочисленных заимствованиях из русского языка в коми-пермяцкий: например, повсеместно употребляемое *покойник*, *простой ва* ‘простая вода’ и *покойнишинöй ва* ‘покойничья вода’, *живой* в сравнительном обороте *кыздз живой* ‘как живой’ (об умершем) и мн. др. Можно говорить и о единстве многих культурных смыслов, стоящих за обрядовой терминологией. Для обеих традиций в ситуации обмывания характерно противо-

поставление «твёрдого» и «мягкого» тела покойника, хрупкости — прочности материала, из которого сделана емкость для омовения, и т.д. Кроме того, в условиях повсеместного коми-пермяцко-русского билингвизма прослеживается влияние коми-пермяцкого языка на русскую речь жителей смешанных поселений (Кувы и др.). В частности, оно выражается в том, что в южной части Коми-Пермяцкого округа в речи носителей обоих языков (коми-пермяцкой речи коми-пермяков — билингвов и речи русских, не владеющих коми-пермяцким) не обнаруживаются некоторые обрядовые термины со значением действия и деятеля, выраженные отглагольными существительными (типа «обмывание», «обмывка», «обмывальщик», «обмыльщик»). Вместо подобных терминов, типичных для русских диалектов в других районах Пермского Прикамья, на обследованной территории активно используются глаголы («мыть», «вымыть», «помыть»).

Список сокращений

- Коч. — Кочёвский район
Куд. — Кудымкарский район
Юрл. — Юрлинский район

Литература

- Бахматов А.А. и др.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Пермь: ПГПИ, 2008.
- Власова И.В.* К изучению этнографических групп русских (юрлинцы). Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981 / отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1984. С. 3–11.
- Климов В.В.* Олан вужжез (корни бытия): этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2007.
- Коконова А.Б.* Рождение и смерть в пространстве диалекта: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011.
- Королёва С.Ю.* Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья). Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.
- Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В.* «Время» в пермской похоронной лексике. Своё — чужое: опыт культурного взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения» — XVI / ред. колл. И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых. Усолье: [б. и.], 2020. С. 20–37.
- Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В.* «Живые и мертвые» в похоронно-поминальной обрядности Пермского Прикамья. Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 29–39. <https://doi.org/10.17223/15617793/450/4>
- Плотникова А.А.* Обмывание покойника. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 464–466.

- Плотникова А.А. Покойницкие предметы. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 124–127.
- Подюков И.А. и др. Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья. СПб.: Маматов, 2020.
- Подюков И.А., Свалова Е.Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья. Научный диалог. 2019. № 11. С. 46–60. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>
- Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. (Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII). С. 106–107.
- Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. Пермский сборник / ред.-сост. Д.Д. Смышляев. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–127.
- Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2000.
- Смирнов И.Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского университета, 1891. (Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете; Т. 9. Вып. 2).
- Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский государственный университет, 1982. Вып. 576: Типология культуры. Взаимное воздействие культур / отв. ред. Ю. Лотман. (Труды по знаковым системам. XV). С. 57–71.
- Чугаева С.В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков (конец XIX–XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Чугаева С.В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков). М.: Триумф, 2015.

References

- Bahmatov, A.A., et al., 2008. *Russians in the Komi-Permyak District: Rituals and Folklore*. Perm: Perm State Pedagogical Institute. (In Russian)
- Chugaeva, S.V., 2011. *Traditional Funerary and Memorial Rite of the Komi-Permyaks (End of the 19th — 20th Centuries)*. Dis. kand. ... ist. nauk. Institute of Anthropology and Ethnography. (In Russian)
- Chugaeva, S.V., 2015. *The Man and The Death (based on the material of the funeral and memorial rites of the Komi-Permyaks)*. Moscow: Triumf. (In Russian)
- Klimov, V.V., 2007. *Olan Vuzhhez (Roots of Life): Ethnographic Notes About the Komi-Permyaks; in Komi-Permyak and Russian*. Kudympkar: Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Kokonova, A.B., 2011. *Birth and Death in the Space of a Dialect*. Dis. kand. ... filol. nauk. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian)
- Koroleva, S. Iu., 2014. Rite of “Send-off the Soul” With a Ritual Deputy of the Dead (Materials of the Russian-Komi-Permyak Borderlands). *Forum for Anthropology*, 23, pp. 52–76. (In Russian)

- Panteleeva, L.M., Khorobrykh, S.V., 2020. "Time" in the Perm Funeral Lexicon. In: I.A. Podiukov, A.V. Chernykh, S.V. Khorobrykh, eds, 2020. *Own — Foreign: the Experience of Cultural Interaction. Materials of the Russian Scientific and Practical Conference "Stroganov Readings" — XVI*. Usolye [s.n.], pp. 20–37. (In Russian)
- Panteleeva, L.M., Khorobrykh, S.V., 2020. "The Living and the Dead" in the Funeral and Wake Rites of Perm Prikamye. *Tomsk State University Journal of Philology*, 450, pp. 29–39. <https://doi.org/10.17223/15617793/450/4> (In Russian)
- Plotnikova, A.A., 2004. Washing the dead. In: N.I. Tolstoy, S.M. Tolstaya, eds, 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Issue 3, pp. 464–466. (In Russian)
- Plotnikova, A.A., 2012. Deceased items. In: N.I. Tolstoy, S.M. Tolstaya, eds, 2012. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Issue 5, pp. 464–466. (In Russian)
- Podiukov, I.A., et al., 2020. *Dictionary of Mortal Vocabulary, Phraseology and Symbols of Russian Dialects of the Kama Region*. Saint Petersburg: Mamatov. (In Russian)
- Podiukov, I.A., Svalova, E.N., 2019. Local Specifics of Vocabulary of Funeral and Memorial Rituals of Russian Prikamye. *Nauchnyi dialog*, 11, pp. 46–60. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60> (In Russian)
- Popova, O.A., 2010. *Komi-Perm Phraseological Dictionary*. Perm: Perm State Pedagogical University. (In Russian)
- Rogov, N.A., 1860. Materials for Describing the Life of Permyaks. In: D.D. Smyshliaev, ed., 1860. *Perm collection*. Moscow: Tipografia Lazarevskogo instituta vostochnykh iazykov. Issue 2, pp. 1–127. (In Russian)
- Sedakova, O.A., 2000. *Poetics of the Rite: Funeral Rites of the Eastern and Southern Slavs*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Smirnov, I.N., 1891. *Permyaks. Historical and Ethnographic Essay*. Kazan: Tipografia Imperatorskogo universiteta. (In Russian)
- Tolstoy, N.I., 1982. From the "Grammar" of Slavic Rites. In: Yu. Lotman, ed, 1982. *Scientific Notes of the State University of Tartu. Issue 576: Typology of Culture. Mutual Influence of Cultures. Proceedings on Sign Systems XV*. Tartu: Tartu State University, pp. 57–71. (In Russian)
- Vlasova, I.V., 1984. To the study of ethnographic groups of Russians (Yurlintsy). In: S.I. Vainshtein, ed, 1984. *Field research of the Institute of Ethnography, 1980–1981*. Moscow: Nauka, pp. 3–11. (In Russian)